

В судебном очерке журналист, как настоящий археолог, аккуратно, пласт за пластом, вскрывает «курган» уголовного дела, внимательно расследует раскопки, изучает по ним хронике житейских событий, проследживает развитие ситуации, чтобы понять логику свершившейся трагедии. Но, как и в археологии, вывод не всегда в точности соответствует действительности в силу удаленности по времени. Скорее, это размышления, обозначающие лишь некоторые закономерности случившегося. К тому же — со стороны, а не изнутри события.



ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ-2

Итак, напомним фабулу. Ранним апрельским утром 43-летняя алкоголичка Людмила Власова, уже три года обитавшая по подвалам и чужим углам, пришла в квартиру к 83-летней матери и убила ее за то, что старушка «слишком много внимания уделяла внуку Максиму», забыв о ней, своей младшей дочери — матери этого самого Максима...

Профессия журналиста тем и чревата, что ты делаешь достоинством общественного мнения то, о чем люди вслух говорить не любят.

Каких только мотивов убийства не бывает, но такой!.. Даже осмыслить его трудно. В общем, заканчивая две недели назад монолог под названием «Жесткие игры», я вовсе не думала, что буду его продолжать, хотя многие факты остались в блокноте: и газетная площадь не позволяла вместить в одну публикацию всего, и, вроде, главное было сказано. Продолжить монолог побудили меня события, последовавшие за публикацией.

В первый же понедельник после выхода субботнего номера с судебным очерком в редакцию пришла старшая сестра убийцы. В очерке фамилии ее не было, но имя названо настоящее — Рашида. И женщина сочла себя оскорбленной, поскольку кое-кто из знакомых узнал ее и бесфамильную.

— Я подам на вас в суд за оскорбление, — сказала Рашида. — Вы ответите за нанесенный мне моральный ущерб.

Что ж. Как говорится в Библии: «Не судите, да не судимы будете». А профессия журналиста тем и чревата, что ты делаешь достоинством общественного мнения, значит, темой для обсуждения и осуждения то, о чем люди вслух говорить не любят и с окружающими обсуждать вовсе бы не хотели. Поэтому риск в нашем деле есть всегда, гарантий же — никаких. Выход один: сказал «а» — сразу всю азбуку произноси, да не пропусти по забывчивости какой-нибудь буквы. Но фамилии этой женщины не буду называть и сегодня.

Как я уже говорила: бывает, снимаешь один пласт истории человеческой жизни, а под ним такое хитросплетение событий, взаимоотношений, поступков, ситуаций, характеров — что голова кругом. Попробуй разберись, что, зачем и почему, какая между всем открывшимся взаимосвязь. Вопросов — тьма! Где искать на них ответ в такой истории, что случилась с семьей бабушки Фаи: один персонаж в могиле, другой — в тюрьме, третий слишком молод, но уже пережил столько, что бередить его душу просто бесчеловечно? У остальных участников события? Так они косвенные, вроде, на втором плане случившегося, напрямую не задействованы.

Кроме того, видно уже по первым показаниям свидетелей: соседей, продавцов магазина, той же старшей сестры убийцы — по большому счету все они были просто сторонними равнодушными наблюдателями разгорающегося костерка грядущей беды. Чужой беды, а потому ни один из них не желал вмешиваться в происходящее, стараясь отгородиться от него стенами своей квартиры, собственными интересами.

Какие претензии к соседям, говорившим на предварительном следствии и судебном заседании, что у бабушки Фаи и ее внука

Максима характер вредный, а Людмила пьет уже дваненю? Шум в соседней квартире, крики? Вывод прост: плохие там люди живут, скандальные... Разве соседи что-нибудь могут изменить? Каждый живет, как умеет, как желает. Ну, видели они ранним утром того трагического дня, что плащ и руки Людмилы в запекшейся крови, что мечется она по улице: то подойдет к подъезду, то уйдет от него, то к одной соседке подсядет, то к другой... Но у всех свои дела, кому охота в Людмилиных метаниях разбираться?

Сестры? Да из всего ясно, что теплых родственных чувств друг к другу они давно не питают, с родной матерью тоже были в достаточно прохладных отношениях за исключением, может, Людмилы, до изгнания сыном жившей вместе с бабушкой Фаей и во всем зависящей от нее. Можно ли при таком раскладе ожидать от сестер объективной оценки ситуации или пояснения, как же дошла до такой жизни младшая из них?

Кстати, уже с первых листов уголовного дела невольно обратила внимание: у детей бабушки Фаи разные отчества и национальности. Рашида и Флюра записаны татарками, Людмила — русской, единственный брат — тоже татарин, но отчество у него не такое, как у Флюры с Рашидой. О брате в деле сказано мало: «всю жизнь по тюрьмам скитается».

И вот Рашида сама пришла в редакцию. Вряд ли эта 60-летняя женщина поняла и после нашего двухчасового разговора, что в ее обидах на жизнь газета ни при чем. Не считает она любителем выпить мужа, с которым прожила 35 лет, — замечательно. Дай Бог хоть в этом покоя ее душе. А в том, что нет его у Рашиды, сомневаться не приходится, иначе не вспоминала бы она с горечью о своем детстве и юных годах, не винила бы трагически расставшуюся с жизнью мать в своей нелегкой жизни, простила бы ей грехи молодости...

Совсем запуталась Рашида, совсем не следила за своим языком. А ведь не зря говорят: о покойном говори или хорошо, или ничего.

— Корыстной меня назвали. В чем моя корысть? Я у них и не бывала в последнее время. Может, потому что рюмки с графинчиком забрала после смерти матери? Так я их сама ей и покупала — еще на 65 лет. Квартира мне их нужна? Как я на нее претендовать могу, если она приватизированная и на Максима записана? Нет. Я Людмилу не только не натравливала на мать, я ее и за родственницу-то стеснялась признавать, и в квартире моей она никогда не ночевала. Как-то на улице встретилась: она совсем пьяная была, привязалась ко мне: здравствуй, сестра! Я ей говорю: уйди от меня, бесстыжая, я тебя знать не хочу, пока ты пьянствуешь!

— Но ведь она знала, где вы живете, и в то утро, после убийства матери, пришла к вам уже в восемь утра — так в деле написано. С бутылкой водки пришла...

— Да, она приходила, но я ее прогнала сразу — нечего делать, говорю. Муж мой с тобой пить не будет.

— Вы же видели, что она в крови? И не спросили: откуда кровь? Может, случилось что?

— Я и разговаривать с ней не стала...
— Тем не менее вы на суде сказали, что, не пуская Людмилу в квартиру, ваша мать

поступала бесчеловечно. Значит, вам сестры было жалко?

— Так ведь прописана она там, законное право на жилье имеет. Это Максим ее выгнал, он плохой парень, злой — и бабушку обижал, и мать. Я говорила матери: раздели с ними квартиру: тебе однокомнатную, Людмила с Максимом пусть у соседями живут. А она ражричалась на меня и выгнала. Я и не ходила к ним.

— А зачем вы ей это говорили?

— Так ведь он обижал ее, это не Людмила, а Максим бил бабушку.

— Откуда вы знаете, если были в ссоре с матерью.

— От их соседей...

— А зачем вы по соседям сведения-то о матери собирали?..

И вдруг Рашида стала сбивчиво и горько рассказывать, смахивая набегавшие на глаза слезинки, как после гибели отца мать увезла ее и сестру Флюру из Кургана, потому что свекровка не разрешала ей с мужчинами гулять, а в молодости бабушка Фая любила погулять — часто меняла мужчин, несколько раз замужем была, поэтому и дети ее от разных отцов. Брат уже после войны родился, но с его отцом мать долго жить не стала из-за собственного легкомыслия. Так потом она вышла замуж за уголовника, который обижал старших детей: девочек пытался изнасиловать, братишку воровать научил. Но мать все простила ему. Что она уже подростком вынуждена была пойти работать на завод, а деньги шли на выпивку и развлечения неработающего отчима, а когда Рашида посмела пожаловаться на него матери, та выставила ее, девчонку, из родного дома в общежитие... Да, брат и на самом деле так с малых лет по тюрьмам и пропадает, даже не знает Рашида, где он сейчас. Флюра выпивает, а Людмила не только спилась с ссвем, но и убийцей стала. Кто вино-

«Я говорила матери: раздели квартиру. Тебе — однокомнатную, а Людмила с сыном пусть с соседями живут. Но она раскричалась и выгнала меня...»

ват в ее всем? Да, получается, что сама бабушка Фая и виновата...

Рашида и сама, видно, не ожидала от себя такого вывода. Даже растерялась. Но быстро нашлась:

— Это Максим во всем виноват. Злой парень, жестокий. Бабушку гонял, мать гонял. Работать не хотел, в армию не хотел.

— Подождите, подождите: ему ж только 19. И по делу видно, что Максим работает.

— Да разве он работает? То и дело увольняется.

— Простите, но у вас, вроде бы, тоже сын есть, и постарше Максима...

— Да, 27 лет.

— Он-то работает? Правда, что он одну квартиру уже продал и пропил? Я это в деле вычитала.

— Эту квартиру ему сестра родная купила, мся дочь. Его квартира, что хочет, то и делает. С работой у сына не все ладится. Не везет ему в жизни. А парень он хороший...

Вот, кажется, и подошли к тому месту, где зарыта «собака».

Не зря говорят: своя рубашка ближе к

телу, своя ноша не тянет, чужую беду руками разведу и тому подобное. Даже племянник — и то чужой. Не важно, что собственный сын старше почти на 10 лет. Он — свой, родной, поэтому его и пожалеть, оправдать, понять можно. «Не везет в жизни» 27-летнему человеку, у которого и сегодня есть любящие, заботливые и порядочные мама с папой. Интересно, в чем же повезло 19-летнему Максиму, что так невзлюбила его тетя Рашида? Или и в 60 лет в ней жив комплекс девочки, которую родная мать променяла на мужскую любовь? Тогда, сорок лет назад, ее лишил материнского тепла чужой мужчина, сейчас — его внук? Да, так действительно можно договориться до чего угодно.

Но Рашида не любит и не жалеет и другую племянницу: дочь Флюры Галину, приехавшую с двумя детьми из какой-то среднеазиатской республики и по воле пьющей

Не любит, не жалеет тетка и другую племянницу: дочь Флюры Галину, сбежавшую с двумя детьми из среднеазиатской республики и по воле матери оставшуюся без крыши над головой и в родном городе.

матери оказавшуюся без крыши над головой и в родном городе. Только бабушка Фая и Максим помогли Галине: прописали ее с ребятами в своей квартире.

На суде Галина назвала свою мать и тетку слишком корыстными людьми. Почему назвала, сама знает — не нам судить. Не согласна с Галиной тетя Рашида. Ишь, мол, приехала на все готовенькое! Спелась с этим хулиганом Максимом! Сама Рашида вместе с мужем больше 30 лет проработала на метизно-металлургическом заводе. Получила там квартиру, купили сад, машину. По нынешним временам — вполне приличный капитал, можно жить без обиды на окружающий мир, на плохих родственников...

Я даже не знакома ни с Галиной, ни с Максимом. Причин для предвзятого отношения к ним у меня нет. Возможно, они и в самом деле не самые хорошие молодые люди, как уверяет их тетка. Но, даже незнакомые, они вызывают у меня сочувствие своей незащищенностью. А молодость их оставляет надежду, что у них еще есть время и может хватить сил, чтобы выстоять в этой трудной жизни, не сломаться и не озлобиться на людей, а, напротив, укрепить лишь слегка наметившуюся родственную нить. Есть у них время и для того, чтобы исправить недостаток своего характера, если есть такая необходимость. Во всяком случае, я искренне желаю им добра и понимания окружающих.

О Людмиле Власовой, как видите, сегодня речи почти нет. Необъяснимы дела и поступки человека, больного алкоголизмом. Если идти по логическому пути, предложенному ее старшей сестрой Рашидой, то преступление, совершенное Людмилой, было предопределено заранее. Получается, что бабушка Фая своей бесшабашной жизнью в дни молодости сама посеяла в сердца своих детей дурные зерна. Что ее трагическая смерть — закономерность. Как при этом ей удалось прожить до 83 лет — просто удивительно. Поистине, неисповедимы пути Господни.